

На правах рукописи

Кривопапов Алексей Алексеевич

Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848-1856 гг.

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Москва 2014

Работа выполнена на кафедре истории России XIX века – начала XX века Исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент
Шевченко Максим Михайлович

Официальные оппоненты: **Бесов Александр Григорьевич**
доктор исторических наук, профессор
(Фонд стратегической культуры)

Бибиков Григорий Николаевич
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
(Институт российской истории РАН)

Ведущая организация: Государственный Исторический музей

Защита диссертации состоится «__» _____ 2014 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.72 при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова по адресу: 119991, ГСП-1, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4, ауд. А 416.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ им. М.В. Ломоносова по адресу: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ, д. 1, стр. 51, 1-й учебный корпус и на сайте <http://www.hist.msu.ru/Science/Disser/index.html>

Автореферат разослан «__» _____ 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

Г.Р. Наумова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Предмет исследования и актуальность темы.

Фельдмаршал И.Ф. Паскевич как ближайший военный советник императора Николая I играл в его ближайшем окружении особую роль. Император обсуждал с полководцем большинство вопросов, касавшихся внутренней, внешней и военной политики. Поражение России в Крымской войне нанесло тяжелый удар по репутации князя Варшавского в глазах русского общественного мнения. Военачальник, как и вся николаевская политическая система в целом, были обвинены современниками в неспособности предотвратить неудачный исход войны.

Несмотря на то обстоятельство, что сегодня укоренившийся в исследовательской литературе взгляд на причины поражения России в Крымской войне подвергается серьезной переоценке, история русского военного планирования до недавнего времени не выделялась в самостоятельный вопрос в рамках весьма обширной историографии по данной теме. Эта задача едва ли выполнима без специального рассмотрения роли фельдмаршала И.Ф. Паскевича как главного военного советника императора Николая I и центральной фигуры в истории николаевской армии.

Объект исследования.

Объектом данного исследования является русское военно-стратегическое планирование в 1848-1856 гг., а также рассмотрение роли фельдмаршала Паскевича как главного военного советника императора Николая I и центральной фигуры в истории николаевской армии, поскольку практически все важные решения военного характера во второй четверти XIX столетия в России принимал негласный «триумвират» в составе императора, военного министра и главнокомандующего Большой Действующей армией, которым в 1831-1855 гг. являлся князь Варшавский.

Степень научной разработки темы.

Несмотря на то, что в заключительный период царствования Николая I оба больших международных кризиса особенно чётко демонстрировали неразрывную связь между внешней политикой и стратегией, роль фельдмаршала Паскевича в русском военном планировании 1848-1856 гг. не выделялась в самостоятельную тему научного исследования. В отечественной литературе также не было принято рассматривать кризис 1848-1849 гг., с точки зрения собственно военной угрозы положению России в Европе¹. Следовательно, мало внимания привлекали не только дипломатические, но и военно-политические усилия русского правительства, не допустившего его перерастание в большую войну.

Общие работы по истории Крымской войны также освещали деятельность Паскевича достаточно фрагментарно, ограничиваясь, по большей части, лишь некоторыми эпизодами двух кампаний на Дунае в 1853-1854 гг. Первое исследование, посвященное Восточной войне, на основании официальных реляций еще до заключения мира подготовил капитан Генерального штаба В.М. Аничков². Он сознательно ограничился описанием событий одной лишь Крымской кампании и хронологически довел его до первого штурма Севастополя 6 июня 1855 г.

«Военно-исторические очерки Крымской экспедиции» фактически стали прообразом многих последующих работ, например, Э.И. Тотлебена, М.И. Богдановича и Н.Ф. Дубровина³, в которых события на других театрах войны,

¹ См.: *Татищев С.С.* Внешняя политика императора Николая Первого. СПб., 1887. С. 41-131; *Татищев С.С.* Император Николай и иностранные дворы. СПб., 1889. С. 105-117, 273-284; *Блос В.* Революция в Германии: История германского движения в 1848 и 1849 г. СПб., 1908; *История дипломатии.* Т. 1. М.-Л., 1941. С. 426-433; *Нифонтов А.С.* Россия в 1848 году. М., 1949; *Молок А.И.* Революции 1848-1849 годов. М., 1952; *Ханак П.* Угнетенные народы Австрийской империи и Венгерская революция 1848-1849 гг. Budapestini, 1953; *Березняков Н.В.* Революционное и национально-освободительное движение в Дунайских княжествах в 1848-1849 гг. Кишинев, 1955; *Степанова Е.А.* Борьба за единую демократическую Германию в период революции 1848-1849 годов. М., 1955; *Авербух Р.А.* Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии. 1848-1849. М., 1965; *Михайлов М.И.* Проблемы Германской революции 1848 г. М., 1985; *История внешней политики России. Первая половина XIX в.* М., 1999. С. 346-361;

² *Аничков В.М.* Военно-исторические очерки Крымской экспедиции. Ч. 1-2. СПб., 1856.

³ *Богданович М.И.* Описание экспедиции англо-французов в Крым 1854-1855 гг. СПб., 1856; *Тотлебен Э.И.* Описание обороны г. Севастополя. Ч. 1-2. СПб., 1863-1872; *Ковалевский Е.П.*

особенности внешнеполитической обстановки на различных стадиях конфликта, а также их возможное влияние на исход боевых действий в значительной степени оставались без внимания.

Попытка создать первое обобщающее исследование по истории конфликта была предпринята в середине 1870-х гг. генералом М.И. Богдановичем. Но под влиянием массовых публикаций новых документов и материалов о Крымской войне в российских периодических изданиях, работа Богдановича достаточно быстро устарела.

Генерал Н.Ф. Дубровин в своей монографии пошел несколько дальше Богдановича в плане сбора доступных на тот момент источников. Он пришел к выводу, что фельдмаршал Паскевич несет значительную долю ответственности за недопустимые промедления в осаде Силистрии весной 1854 г. и за неоправданное сосредоточение войск на западных границах России, что предопределило неудачный для России исход боевых действий в Крыму.

Значительный интерес представляет двухтомная монография генерала А.Н. Петрова⁴. Несмотря на то, что формально она была посвящена боевым действиям на Придунайском театре в 1853-1854 гг., фактически книга значительно выходила за рамки заявленной темы. Петров в резкой и полемической форме пытался переосмыслить причины неудачного исхода войны в целом. Автор критически оценивал деятельность князя Варшавского и придерживался крайне спорной точки зрения, считая, что все стратегические расчеты русского командования в 1854-1855 гг. строились на изначально неверном посыле. Обоснованность столь радикальных выводов вызывает серьезные сомнения. Петров практически не использовал такие важные австрийские источники, как переписка императора Франца Иосифа с канцлером

Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 гг. СПб., 1871; *Гейрот А.Ф.* Описание Восточной войны 1853—1856 гг. СПб., 1872; *Богданович М.И.* Восточная война 1853-1856 гг. Т. 1-4. СПб., 1876; *Дубровин Н.Ф.* Восточная война 1853-1856 гг. Обзор событий по поводу сочинений М. И. Богдановича. СПб., 1878; *Орлов Н.А.* Восточная война. СПб., 1885; *Вроченский М.А.* Севастопольский разгром. Киев, 1893; *Дубровин Н.Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. 1-3. СПб., 1900.

⁴ *Петров А.Н.* Война России с Турцией: Дунайская кампания 1853-1854 гг. Т.1-2. СПб., 1890.

К.-Ф. Буолем, начальником императорского штаба генералом Г. фон Гессом, главнокомандующим австрийскими войсками в Италии – фельдмаршалом Й. Радецким⁵.

В 1904 г. вышел седьмой том биографии И.Ф. Паскевича, написанной князем А.П. Щербатовым⁶. Он описывал участие князя Варшавского в Крымской войне. В труде Щербатова был собран огромный, до сих пор не утративший ценности фактический материал о деятельности Паскевича на протяжении всей его жизни. Структурно все тома работы представляли собой последовательное изложение событий биографии фельдмаршала. Серьезных попыток критического осмысления его роли в событиях русской истории автор не предпринимал.

Иной характер имел незаконченный труд А.М. Зайончковского⁷. Он затрагивал, в первую очередь, дипломатическую сторону участия России в войне, хотя автором и приводились очень интересные материалы по предвоенному состоянию русской и западных армий. Характерной чертой взглядов Зайончковского являлось то, что император Николай как военный деятель вызывал у него значительно большую симпатию, чем фельдмаршал Паскевич, тогда как в оценках роли князя Варшавского автор был столь же критичен, как Петров и Дубровин.

Таким образом, в дореволюционной историографии Богданович и Дубровин заложили традицию изучения Восточной войны, в первую очередь, как проблемы обороны Севастополя и ведения боевых действий на территории Крыма. События Дунайской кампании ими изучались постольку, поскольку они повлияли на неподготовленность русской армии к обороне полуострова. Во вторых, монографии Дубровина, Петрова и Зайончковского сформировали весьма негативный и, до некоторой степени, карикатурный образ Паскевича как

⁵ Результаты использования этих источников на сегодняшний день см.: *Rothenberg G. E. The army of Francis Joseph. West Lafayette, Indiana, 1976; Curtiss, J. S. Russia's Crimean War. Durham, N. C., 1979.*

⁶ *Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 1-7. СПб., 1888-1904.*

⁷ *Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 гг., в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1-2. СПб., 1908-1913.*

военного деятеля. Фельдмаршалу ставились в вину опасения «утратить, на старости лет, былую славу» и, вытекавшая из этого, нерешительность в проведении Дунайской кампании в 1854 г.

Советская историография Крымской войны также лишь фрагментарно освещала деятельность Паскевича. Значительное внимание обороне Севастополя в своей обзорной работе уделил А.А. Свечин⁸. Он был едва ли не первым исследователем, который положительно оценил решение Паскевича о прекращении осады Силистрии и отступлении за Прут, хотя и назвал стиль командования фельдмаршала «уродством»⁹.

Не обошел своим вниманием Восточную войну и германский современник Свечина историк Э. Даниэльс¹⁰. Пятый том «Истории военного искусства в рамках политической истории», содержащий пространную главу о Крымской войне, был переведен и опубликован в СССР издательством Наркомата обороны за несколько лет до выхода хорошо известной монографии Е.В. Тарле, однако, он не оказал сколь-нибудь значительного влияния на отечественную литературу по данной теме. Тем не менее, труд немецкого историка представляется сейчас сильно недооцененным. Даниэльс обращал особое внимание на военно-политический контекст севастопольской осады. В первую очередь, на международную изоляцию России и угрозу со стороны Швеции, Пруссии и в особенности Австрии.

Наибольшей известностью до сих пор пользуется монография академика Е.В. Тарле¹¹. И хотя в данной работе дипломатический аспект описываемых событий оставлял в тени стратегическую составляющую внешней политики, его рассуждения о противоречивой роли князя Паскевича представляют определенный интерес. Тарле достаточно четко уловил тот факт, что, фактически, в 1853-1854 гг. речь шла не о боязни фельдмаршала за свой престиж, а о сложных и слабо предсказуемых изменениях внешнеполитической

⁸ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Т. 2. М.-Л., 1928. С. 11-76.

⁹ Там же. С. 45.

¹⁰ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 5. Новое время. М., 1937. С. 7-130.

¹¹ Тарле Е.В. Крымская война. Т. 1-2. М. –Л., 1941-1944.

ситуации. И что в подобном контексте, осторожность Паскевича являлась, скорее, следствием более глубокого понимания стратегического положения сторон.

Последней на данный момент обобщающей работой, посвященной России в Крымской войне является монография американского историка Дж. Ш. Кертисса¹². Ее отличает гораздо более глубокое, чем в отечественной историографии, знакомство с англо-франко-австрийскими источниками и литературой. Автор нарисовал куда более сложную картину восточного кризиса в 1853 г. и колебаний австрийского правительства в 1854-1855 гг., чем, соответственно, Е.В. Тарле и А.Н. Петров.

В числе современных работ по истории военного строительства следует упомянуть неопубликованную диссертацию А.В. Кухарука¹³. Объектом исследования в ней выступает Большая Действующая армия – ключевой инструмент военной политики Николая I в 1831-1853 гг. Используя материалы фондов Военно-исторического архива (РГВИА), автор последовательно раскрыл механизм развертывания вооруженных сил в ходе восточного кризиса 1833 г., опасного обострения противоречий с Францией в 1839 г. и революции 1848-1849 гг., а также рассмотрел участие Действующей армии в Венгерском походе и Крымской войне.

Американский историк Ф. Кэган¹⁴ изучал реформу институтов высшего военного управления николаевской России, предпринятую в 1830-1840-х гг. В центре его внимания находилось Военное министерство и фигура военного министра А.И. Чернышева. Паскевич, который не имел прямого отношения к реформам министерства в 1830-е годы, на страницах этой монографии упоминался лишь отрывочно.

¹² *Curtiss J.S. Russia's Crimean War. Durham, N. C., 1979.*

¹³ *Кухарук А.В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I. Диссертация на соискание уч. ст. к. и. н. М., 1999.*

¹⁴ *Kagan F.W. The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army. N.Y., 1999.*

Примером отказа от рассмотрения истории международных отношений только как истории дипломатии служит работа О.Р. Айрапетова¹⁵, в которой было уделено внимание Крымской войне как событию во внешней политике России, изучаемой с учетом её военно-стратегической составляющей.

Последним на сегодняшний день историографическим событием, ценным для данной темы, является тематический сборник «Военная политика императора Николая I»¹⁶, который, в частности, содержит материалы, относящиеся к истории стратегии Крымской войны.

Итак, историография данной темы развивалась достаточно неравномерно. Биографические исследования, описания кампаний на различных театрах военных действий, изучение истории дипломатии, исследования проблем русского интендантства и тылового обеспечения продвигались в значительной степени изолированно друг от друга. При этом историография накопила, как устоявшиеся и глубокие суждения, так и явные противоречия в оценках личности фельдмаршала Паскевича и достижений военной политики при Николае I. Таким образом, её состояние подчеркивает необходимость специального монографического исследования по данной теме.

Источниковая база исследования.

Опубликованные источники по истории русской стратегии в конце царствования Николая I можно разделить на официальные документы и материалы личного происхождения. К первой группе источников относится дипломатическая переписка, служебная переписка по военно-политическим вопросам, штабная документация русской армии, материалы военного законодательства и периодика второй четверти XIX в. Группу источников личного происхождения составляют мемуары, дневники, письма и воспоминания современников николаевской эпохи¹⁷.

¹⁵ Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801-1914). М., 2006.

¹⁶ Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 7. Военная политика императора Николая I. М., 2009.

¹⁷ Александр I, Николай I и Александр II. Исторические материалы к ним и их эпохам относящиеся, 1822-1855 // Русская старина. 1881. Т. 32. № 12. С. 881-906; Баумgarten А. Заметка к письмам А. С. Меншикова 1854-1855 гг // Русская Старина. 1875. Т. 13. № 5. С.

Воспоминания генералов и младших офицеров, лично общавшихся с князем Варшавским либо принимавших участие в военных действиях, служили ценным источником дополнительных сведений о биографии Паскевича¹⁸. Другая группа мемуаров иллюстрирует механизм функционирования боевого командования Большой Действующей армии. Например, записки М.Д. Лихутина¹⁹ полны интересных деталей о работе штаба Действующей армии в Венгерском походе. Тогда как воспоминания генерала Н.И. Ушакова и

139-140; *Бартенев П.И.* Из записок князя Паскевича // Русский Архив. 1889. Кн. 1. № 3. С. 407-424; Война России с Турцией 1854-1855 гг // Русская Старина. 1877. Т. 18. № 1. С. 135-144; № 2. С. 325-336. Т. 19. № 5. С. 81-100; № 6. С. 331-340. Т. 20. № 9. 167-174; Войны России с Турцией 1828-1829 и 1853-1854 гг // Русская Старина. 1876. Т. 16. № 8. С. 671-708; Т. 17. № 9. С. 145-170; № 12. С. 811-830; Восточная война 1853-1856 гг. Письма князя И.Ф. Паскевича к князю М.Д. Горчакову // Русская Старина. 1876. Т. 15. № 1. С. 163-191. № 2. С. 388-401. № 3. С. 659-674; Выдержки из переписки князя Воронцова с императором Николаем // Русская Старина. 1875. Т. 13. С. 637-638; *Горчаков М.Д.* Сражение при Черной // Русская старина. 1876. Т. 16. № 5. С. 161-171; Император Александр II в Восточную войну. Переписка с князем И.Ф. Паскевичем и князем М.Д. Горчаковым. 1855 г // Русская Старина. 1881. Т. 32. № 12. С. 899-906; Император Николай Павлович в его военных распоряжениях 1849 и 1854 гг // Русская Старина. 1886. Т. 49. № 3. С. 571-576; Император Николай Павлович в его письмах к князю Паскевичу // Русский Архив. 1910. Кн. 1. № 3. С. 321-356; № 4. С. 481-513; Кн. 2. № 5. С. 5-45; № 6. С. 161-181; Император Николай Павлович и его время, 1831-1849 гг // Русская Старина. 1884. Т. 41. № 1. С. 135-139; *Степанов Н.П.* Князь Михаил Дмитриевич Горчаков в Севастополе. Записка фельдмаршала князя Паскевича 16 сентября 1855 г // Русская Старина. 1883. Т. 40. № 11. С. 369-380; *Степанов Н.П.* Мысли фельдмаршала Паскевича по поводу обороны и падения Севастополя. 16 сентября 1855 г // Русская Старина. 1872. Т. 6. № 10. С. 427-435; *Крылов А.Д.* Князь А.С. Меншиков. Документы (1853-1854) // Русская Старина. 1873. Т. 7. № 6. С. 843-854; Оборона Севастополя: Письма князя А.С. Меншикова к князю М.Д. Горчакову (1853-1855 гг.) // Русская Старина. 1875. Т. 12. № 1. С. 174-196; № 2. С. 298-328; Отношение императора Николая Павловича к Севастополю // Военный Сборник. 1873. Т. 91. № 5. С. 1-16; Переписка князя А.С. Меншикова с фельдмаршалом князем Варшавским до высадки союзников // Военный Сборник. 1902. № 3. С. 230-238; Письмо князя В. Долгорукова князю А.С. Меншикову. 13 июль 1855 г // Русская Старина. 1897. Т. 90. № 5. С. 270; Письмо А.С. Меншикова к М.С. Воронцову (Севастополь 8 ноября 1853 г.) и донесения императору Николаю (29 июня 1854 г.) // Русская Старина. 1873. Т. 7. № 6. С. 847-854; Собственноручная записка императора Николая о предстоящих военных действиях от 1 февраля 1855 г // Николай I и его время. Т. 1. М., 2000. С. 193-195. См. также: // Русская Старина. 1881. Т. 32. № 12. С. 896-899; *Шильдер Н.К.* Фельдмаршал Паскевич в Крымскую войну (перевод статьи берлинского военного журнала) // Русская Старина. 1875. Т. 13. С. 603-635; Южная армия и Крымская армия при князе Меншикове: Из бумаг Михаила Максимовича Попова // Русская Старина. 1893. Т. 79. № 9. С. 515-537.

¹⁸ *Докудовский В.А.* Мои воспоминания. Рязань, 1898; *Стороженко А.Я.* Отрывки из воспоминаний // Стороженки. Фамильный архив. Т. 1. Киев, 1902. С. 351-429.

¹⁹ *Лихутин М.Д.* Записки о походе в Венгрию в 1849 г. М., 1875.

капитана Г. Пестова подробно описывают службу главной квартиры русской армии на Дунае в 1853-1854 гг.²⁰.

Источники по истории военного строительства включают в себя законодательные акты и нормативные документы николаевского времени, опубликованные на страницах Полного Собрания Законов²¹ и таких сборников, как, например, «Свод военных постановлений»²².

Однако попытка разобраться в обоснованности столь глубоко укоренившихся историографических оценок представляется совершенно невозможной без обращения к широкому кругу неопубликованных и малоиспользованных ранее источников. Эти источники отложились в Российском Государственном Военно-Историческом архиве в фонде Военно-ученого архива, фондах, имеющих отношение к штабным структурам Большой Действующей армии и фонде Департамента Генерального штаба.

Фонд Департамента Генерального Штаба (Ф. 38) содержит ценные документы по истории русско-прусского военного сотрудничества. Например, данные о личных переговорах генерал-квартирмейстера Большой Действующей армии А.И. Нейдгарта с генералом К.Ф. фон Кнезебеком в 1832 г.²³.

В коллекции Военно-ученого архива, посвященной Германии (Ф. 432), сохранились черновые варианты прусских планов войны против Франции,

²⁰ Пестов Г. Из воспоминаний о войне 1854 года // Военный Сборник. 1873. Т. 93. № 9. С. 25-29; Ушаков Н.И. Записки очевидца о войне России против Турции и западных держав // Девятнадцатый Век. Исторический сборник. Кн. 2. М., 1872. О работе дивизионных штабов см.: К.Л.Н. Воспоминания о Дунайской кампании 1853-1854 годов // Военный Сборник. 1873. Т. 89. № 1. С. 169-191. № 2. С. 367-418.

²¹ ПСЗ II. Т. 11. Отд. 1. № 9038. Учреждение Военного министерства. 29 марта 1836 г.; ПСЗ II. Т. 20. №. 18687. О правах и власти главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом. 21 января 1845; ПСЗ II. Т. 21. Отд. 3. № 20670. Устав для управления армиями в мирное и военное время. 5 декабря 1846 г.; ПСЗ II. Т. 7. Т. 7. Отд. 2. Штаты и таблицы. Алфавитный указатель. Действующая армия; ПСЗ II. Т. 8 Отд. 1. № 6065. О переформировании армейской кавалерии. 21 марта 1833; ПСЗ II. Т. 8 Отд. 1. № 6676. О переформировании гвардейской и полевой артиллерии; ПСЗ II. Т. 8. Отд. 1. № 5943. О преобразовании армейской пехоты. 28 января 1833.

²² Свод военных постановлений. Т. 1-4. СПб., 1838-1842.

²³ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 360.

составленные немцами в ходе кризиса 1839-1841 гг.²⁴, которые впоследствии доверительно сообщались Николаю I прусским военным министром.

В самом же фонде Военно-ученого архива (Ф. 846) была обнаружена составленная для императора Николая прежде нигде не использовавшаяся записка фельдмаршала Паскевича от 11 мая 1845 г. «Сравнительное соображение сосредоточения русских и прусских войск», посвященная проблеме обороны Царства Польского, в случае вторжения прусской армии²⁵.

Там же находится основная масса практически неизвестных документов о военно-политическом совещании 1843 г., в ходе которого окончательно оформились приоритеты русской стратегии на Западном театре военных действий. В комплекс документов, касавшихся секретного совещания 1843 г., входит более ранняя, написанная в 1836 г., записка министра финансов графа Е.Ф. Канкрин «Об оборонительном положении западной границы России по стратегическим видам» и различные соображения об укреплении западных границ империи, высказанные в ходе совещания всемирно известным военным теоретиком А.-А. Жомини, военным министром А.И. Чернышевым и фельдмаршалом Паскевичем.

Эти источники проливают свет на сложную проблему функционирования русско-прусского союза, в котором беспрецедентное по меркам XIX века военное сотрудничество сосуществовало с медленно набиравшей силу тенденцией к охлаждению отношений.

С началом Восточной войны собственноручные записки и заметки князя Варшавского, выполненные для Николая I и Александра II, практически в законченном виде формулировали приоритеты русской стратегии, призванной вывести империю из навязанной ей борьбы на измор с наименьшими потерями.

В фонде канцелярии фельдмаршала (Ф. 14013) помещены также письма Паскевича к командующему Южной армией князю М.Д. Горчакову, раскрывающие точку зрения фельдмаршала на перспективы обороны базы

²⁴ Там же. Ф. 432. Оп. 1. Д. 91.

²⁵ Там же. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 1216.

Черноморского флота. Лишь незначительная часть этих документов использовалась А.П. Щербатовым при составлении последнего тома биографии князя Варшавского.

Документы коллекции ВУА, специально посвященной Крымской войне (Ф. 481), позволяют существенно расширить представления о причинах недооценки опасности высадки неприятеля в Крыму. Особенно важны соображения по обороне черноморских берегов, высказанные в 1853-1854 гг. командующим войсками на юге России М.Д. Горчаковым и командиром V-го пехотного корпуса А.Н. Лидерсом²⁶.

Фонд Военно-ученого архива (Ф. 846) содержит две записки: «Обзор последовательных изменений в плане действий на случай войны с Австрией» и «Соображение по некоторым новым предположениям на случай войны с Австрией», составленные 3 и 9 марта 1855 г. генерал-майором Д.А. Милютиным – в то время сотрудником военного министра.

В годы Восточной войны многократно возросли ценность и значение сведений, добываемых военной разведкой²⁷, на основании которых Николай I и его ближайшие военные советники принимали решения. Они также до сих пор не привлекали внимания историков.

Таким образом, привлеченные источники, значительную часть которых составляют неиспользованные и малоиспользованные в научной литературе опубликованные и неопубликованные материалы, в целом, позволяют решить задачи настоящего исследования.

Цели и задачи исследования.

Основной задачей работы является попытка выяснить, соответствовала ли охранительная по своей природе политика Николая I в Европе высшим стратегическим интересам России или же она являлась опасной химерой, обрекшей империю на изоляцию в критический момент борьбы с коалицией западных держав? Была ли русская стратегия в заключительное семилетие

²⁶ Там же. Ф. 481. Оп. 1. Д. 5, 7.

²⁷ Там же. Ф. 428. Оп. 1. Д. 44; Ф. 431. Оп. 1. Д. 16; Ф. 432. Оп. 1. Д. 106, 112; Ф. 14014. Оп. 2. Д. 20, 39.

царствования императора Николая I провалом, дискредитировавшим практически все результаты военного строительства 1830-1840-х гг., или же, напротив, – оптимальным выходом из политически и стратегически безнадежной ситуации, сложившейся в ходе Крымской войны, выходом, состоявшимся именно благодаря этим результатам?

Научная новизна исследования.

В диссертации затрагивается малоизученная тема русского военного планирования накануне и в ходе Крымской войны 1853-1856 гг., а также анализируется проблема выбора приоритетного театра военных действий в обстановке неожиданного перерастания восточного кризиса в Крымскую войну на фоне международной изоляции России со стороны всех остальных великих держав. Анализ влияния военно-стратегических факторов на международные отношения позволяет расширить и уточнить представление о логике и механизмах формирования внешней политики Российской империи в середине XIX в. и, в частности, преодолеть устоявшееся отождествление ее исключительно с деятельностью Министерства иностранных дел. Кроме того, углубление наших представлений о связи внутренней, внешней и военной политики Николая I, возможно, будет способствовать уточнению общих оценок его государственной деятельности и исторического развития России второй четверти XIX в.

Практическая значимость исследования.

Материалы и выводы исследования могут быть использованы при разработке общих и специальных лекционных курсов, проведении семинаров по отечественной истории, а также при подготовке обобщающих трудов по политической и военной истории России первой половины XIX в.

Апробация работы.

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России XIX в. – начала XX в. Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова 6 июня 2013 г. Основные положения исследования отражены в ряде публикаций, апробированы во время выступления автора на

научной конференции «Альминские чтения» («Место Крымской (Восточной) войны в европейских военных конфликтах XIX в.» Бахчисарай, 27-30 сентября 2012 г.).

Структура работы.

Диссертация состоит из Введения, пяти глав, Заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяются проблематика, цели и задачи исследования, дается характеристика источников и литературы.

В **первой** главе «Военные преобразования 1830-1840-х гг.» рассматриваются основные военные реформы, предпринятые правительством Николая I после завершения серии практически непрерывных войн первых пяти лет царствования, в результате которых боевые возможности армии Николая I значительно возросли по сравнению с русской армией эпохи Наполеоновских войн. Далее представлен очерк тех внешнеполитических и военно-стратегических проблем, с которыми столкнулась Россия после 1831 г., когда в результате разгрома польского мятежа на западной границе империи, казалось бы, начался длительный период относительного мира.

Проведя в качестве главнокомандующего три победоносные войны и получив фельдмаршальский жезл, Паскевич к 50 годам достиг беспрецедентно высокого служебного положения и стал последним в русской истории полным кавалером ордена Св. Георгия. Князь Варшавский как ближайший сподвижник императора пользовался неограниченным его доверием. Положение фельдмаршала в правительственной иерархии России было практически уникальным. Император обсуждал с полководцем большинство вопросов, касавшихся внутренней, внешней и военной политики. Он был единственным человеком в окружении монарха, кому Николай позволял спорить с собой по факту уже принятых решений.

Войны первых пяти лет царствования Николая I показали как сильные стороны армии, доставшейся императору в наследство от старшего брата, так и серьезные её недостатки. Затруднения, в ходе кампании против Польши, убедительно показали, что, несмотря на значительную численность армии, стратегическая проблема несоответствия военных потребностей имеющимся материальным ресурсам для России по-прежнему продолжала оставаться острой. Такие факторы, как огромные пространства страны, её относительная бедность и хозяйственная слабость, низкая плотность населения сильно осложняли военно-стратегическое положение государства.

Большая Действующая армия стала крупнейшим объединением полевых войск империи. Она играла ключевую роль в военной политике Николая I. На армию, бессменным главнокомандующим которой в 1831-1855 гг. был князь Паскевич, возлагался комплекс важнейших взаимосвязанных задач. Во-первых, на основе Действующей армии в случае начала серьезной войны в Европе предполагалось боевое развертывание русских военно-сухопутных сил. Во-вторых, Действующая армия напрямую отвечала за внутреннюю безопасность в Царстве Польском и несла на его территории гарнизонную службу. В-третьих, Действующая армия, получив подкрепления в виде пехотных и резервных кавалерийских корпусов второй линии, должна была стать главной ударной силой на театре войны.

В результате преобразований 1830-1840-х гг. боевые возможности русской армии существенно возросли. Унифицированные по своему составу корпуса стали основой военной организации империи. Армия Николая I, по признанию авторитетного европейского наблюдателя, превратилась в первую по своей мощи боевую силу на европейском континенте²⁸.

Во **второй** главе «Проблема сохранения баланса сил в Европе в 1830-1840-е гг.» рассмотрены конкретные военно-стратегические планы России,

²⁸ *Haxthausen A. von Die Kriegsmacht Rußlands in ihrer historischen, statistischen, ethnographischen und politischen Beziehung. Berlin, 1852. S. 9-10, 24, 36-41.*

составлявшиеся в те годы на случай различных сценариев развития внешнеполитической обстановки в Европе.

После окончания Русско-польской войны 1831 г. на западных границах России наступил период длительного мира, который, однако, имел относительный характер, поскольку обстановка в Европе сопровождалась частыми международными кризисами.

Во второй четверти XIX в. союз России с Австрией и Пруссией, с одной стороны, имел изрядный запас прочности, поскольку базировался на идее выгодного для всех трех консервативных держав сохранения политического status-quo в центральной и восточной Европе. С другой стороны, спланивавшая союзников память о совместной борьбе против французской экспансии едва ли могла остановить медленное, но неуклонное развитие центробежной тенденции внутри союза, связанной с ростом германского национального движения. По этой причине даже возобновление союза континентальных монархий осенью 1833 г. не позволяло России полностью исключить возможность враждебных действий со стороны германских соседей.

Создание сети крепостей и строительство тыловой инфраструктуры на территории Царства Польского, наряду с усилением боевого состава Действующей армии играло решающую роль в укреплении стратегического положения России на западной границе.

Вследствие традиционной ограниченности финансовых ресурсов России военное планирование было неразрывно связано с ясным определением места, значения и роли крепостей в русской стратегии. Постепенно в ближайшем окружении императора Николая I на данный вопрос сформировались две основные точки зрения.

Сторонники первой исходили из перспективы маневренной войны в Европе, и потому считали создание мощной и боеспособной армейской группировки наиболее гибким, политически целесообразным и наименее затратным решением. Немногочисленные крепости должны были сыграть вспомогательную стратегическую роль. Они были призваны служить опорными

пунктами на коммуникационных линиях, быть укрепленными складами и исходными базами, как для наступательных, так и для оборонительных операций. Число их должно было быть строго ограничено, строить их сторонники данной концепции предполагали лишь на наиболее важных стратегических направлениях.

Другая точка зрения высказывалась всемирно известным военным теоретиком и историком А.-А. Жомини, который ратовал за создание мощного и хорошо продуманного крепостного района, обеспечивавшего западную границу от внешнего вторжения. Эта идея не нашла поддержки в высших военно-политических кругах России.

В **третьей** главе «Преодоление военно-политического кризиса 1848-1850 гг. в Европе как проблема русской стратегии» рассматривается история революционного кризиса, едва не увенчавшегося общеевропейской войной в 1848-1850 гг. В данном разделе показана взаимосвязь между общим боевым развертыванием Большой Действующей армии и успешным умиротворением Германии, которое состоялось под давлением России после быстрого завершения Венгерского похода. Изучение характера русского военного планирования и анализ стратегических приоритетов, сложившихся в результате как дискуссий 1836, 1843, 1845, так и кризиса 1839-1841 гг., связанного с событиями в Бельгии и Второй Турецко-Египетской войной, позволяет лучше понять реакцию правительства Николая I на европейские революционные события 1848-1849 гг.

В представлении русской дипломатии наиболее устойчивое равновесие в Европе могло быть достигнуто лишь при условии, если два наиболее сильных государства – Австрия и Пруссия – не будут иметь преобладающего влияния в Германском союзе. Россия прагматично стремилась к тому, чтобы малые немецкие государства как можно дольше сохраняли свою самостоятельность.

Рост германского национального движения создавал предпосылки к возникновению в центральной Европе единого Германского государства с населением 45 млн. чел., что не могло не встревожить Николая I и его советников.

По этой причине решение поддержать Австрию в ходе европейского кризиса 1848-1849 гг. не выглядит спонтанным, необдуманном или противоречащим интересам России. Во-первых, территориальный распад империи Габсбургов мог вызвать нежелательные волнения польского населения Галиции с тенденцией их распространения в пределы России, во-вторых, перспектива построения венгерского национального государства на территориях, где этнические мадьяры в общей сложности составляли едва ли половину населения, угрожала дестабилизировать обстановку не только в Венгрии, но и на Балканах. Наконец, без участия Австрии становилось невозможным сохранить докризисное положение в Германии, что в ближайшем будущем угрожало превратить центральную Европу в арену жестокой войны с неизбежным участием России.

Сохранение целостности империи Габсбургов препятствовало Пруссии добиться гегемонии в германских делах. Перед лицом русско-австрийского альянса Берлин не смог поддержать открытой силой свои претензии на политическое доминирование в Германии. Давление со стороны Вены и Петербурга, а также провал собственной мобилизации вынудил Пруссию согласиться на так называемое «ольмюцкое унижение». 29 ноября 1850 г. в г. Ольмюц при посредничестве России была подписана конвенция, по которой Пруссия отказывалась от претензий на политическое доминирование в немецких землях в пользу Австрии. Берлин не смог воплотить в жизнь свое первоначальное намерение, предполагавшее создание унии из 26 германских государств. Произошло фактическое возвращение к политическим принципам 1815 г., закреплявшим раздробленность немецких земель.

В дальнейшем по мере укрепления режима личной власти Луи Наполеона и при постепенном нарастании военной угрозы со стороны Франции Берлин и Вена ощутили потребность в нормализации отношений. Договор от 16 мая 1851 г. вновь восстанавливал союз между непримиримыми прежде антагонистами. 8 января 1852 г. стороны подписали военную конвенцию, а в мае 1852 г. – общий договор, направленный на военно-политическое сдерживание Франции, которую Николай I

по-прежнему рассматривал как главный источник военно-политической нестабильности на континенте.

Таким образом, европейские кризисы 1830-1833 гг. и 1839-1841 гг. ясно указывали Николаю I как на стремление Парижа к пересмотру ограничительных статей Венского трактата 1815 г., так и на возможный рецидив французской экспансии в Бельгии и на Рейне. Приблизительное повторение в значительных масштабах сценария Наполеоновских войн долгое время оставалось возможным и после смерти Бонапарта.

Военный потенциал Пруссии во второй четверти XIX в. ещё не позволял Берлину рассчитывать на успех в случае войны против Франции один на один. Прочность же австро-прусского альянса была невысока. Борьба за лидерство в Германии порождала между союзниками настолько сильный антагонизм, что сплотить их могла лишь непосредственная военная опасность. Эти обстоятельства превращали русскую армию в решающую силу на театре возможной войны в Германии.

Второй после сдерживания Франции целью военного планирования в эпоху Николая I было предотвращение возможного отхода Пруссии от союза с Россией. В 1840-е гг., по мере того как Пруссия под влиянием немецкого национализма демонстрировала всё меньшую готовность мириться с начертанным в 1815 г. политическим устройством Германии, подобный оборот событий уже нельзя было полностью исключить. Однажды французская дипломатия могла попытаться лишить Россию союзника, предложив Берлину более выгодные условия сотрудничества.

В условиях революционного взрыва угроза существующему политическому порядку в Германии неожиданно стала исходить не от Франции, а от союзной Пруссии. Это обстоятельство предопределило значительное охлаждение русско-прусских отношений и переход Николая к более тесному союзу с Австрией. Изучение военно-стратегического контекста Венгерского похода и Ольмюцкой конвенции показывает, что за внешней политикой

императора стоял не столько пресловутый принцип монархической солидарности, сколько ясное понимание государственных интересов России.

Принимая решения в области стратегии, император Николай I и фельдмаршал Паскевич могли опираться на серьезные достижения русской военной разведки. Получаемые с её помощью данные играли значительную роль в военном планировании 1830-1840-х гг. Сложный процесс создания постоянно действующей централизованной военной разведки, начавшийся приблизительно в 1820-е гг. до настоящего времени не привлекал внимания историков. Значительную роль в её становлении сыграл будущий фельдмаршал Ф.Ф. Берг, который в чине действительного тайного советника временно находился в те годы на дипломатической службе.

Усилия России по предотвращению большой европейской войны в 1848-1850 гг. увенчались успехом. Но цена мирного разрешения конфликта, впоследствии, оказалась для нее высока. Уже через несколько лет в ходе следующего международного кризиса она столкнется с беспрецедентной по масштабам и глубине международной изоляцией.

В **четвертой** главе «Непредвиденное развитие восточного кризиса 1853-1854 гг.» затронута проблема внезапного для императора Николая I и фельдмаршала Паскевича изменение всего стратегического положения России в целом, то есть проблему перерастания Русско-Турецкой войны в войну с международной коалицией в условиях военно-политического противостояния по всему значимому периметру границ России.

В ходе постепенно обострявшегося восточного кризиса 1851-1853 гг. со стороны России был допущен ряд опасных внешнеполитических просчетов, прямым следствием которых стала практически полная изоляция империи в начавшейся осенью 1853 г. войне. Значительную долю ответственности за эти ошибки несут лично Николай I и князь Варшавский, хотя историческая беспрецедентность развернувшихся тогда событий, отчасти, служит им оправданием.

Англия и Франция, заключив между собой союз, выступили на стороне Турции и весной 1854 г. объявили России войну. Австрия и Пруссия – ближайшие союзники Петербурга в Европе – отказались дать гарантии нейтралитета, а в апреле также заключили против России оборонительный союз, в определенных условиях превращавшийся в наступательный. К этому времени Австрия начала перевод своей армии на военное положение, и приступала к развертыванию главных её сил на русских границах. В первую очередь, в тылу и на коммуникациях Дунайской армии, осаждавшей турок в Силистрии.

Россия оказалась в одиночестве против могущественной коалиции, не имея ни единого союзника в Европе. Февраль 1854 г. для Паскевича, Николая I и всей русской стратегии стал переломным моментом. Князь Варшавский начал отчетливо понимать, что вырисовывающиеся масштабы конфликта превышают реальные возможности вооруженных сил России. Если до февраля 1854 г. Паскевич еще надеялся на сепаратные переговоры с Турцией и верил в непрочность англо-французской коалиции, то после февраля все эти надежды рухнули. Когда же и Пруссия отказалась подписывать с Россией договор о нейтралитете, то фельдмаршал начал обдумывать сценарий возможного противостояния изолированной России с оставшимися четырьмя великими державами.

Сопоставляя события 1812 и 1854 гг., фельдмаршал ясно сознавал, что Россия попала в исключительно опасное положение. Князь Варшавский понимал невозможность одержать победу в таком противостоянии, поэтому его план сводился к затягиванию войны и к стремлению свести конечный результат к наименьшим для Российской империи потерям. В подобном контексте решающее значение приобретало удержание Австрии от открытого вступления в войну при помощи широкомасштабного развертывания главных сил Действующей армии в Польше и на Волыни. Не имея возможности надежно защитить весь периметр русских границ, Паскевич сделал выбор в пользу первоочередной обороны западных областей государства, справедливо полагая,

что возможные неудачи русских войск в Крыму, и на Кавказе не могли иметь фатальных последствий.

Несмотря на неудачное начало кампании на Крымском полуострове, пассивная и осторожная оборонительная стратегия, к которой Россия вынуждена была прибегнуть, к концу 1854 г. принесла плоды и удержала германские державы от вступления в конфликт.

Развертывание главных сил русской армии в Польше и на Волыни лишило австрийское командование уверенности в своих силах. Начиная с зимы 1855 г. австрийская армия в Галиции, Трансильвании и на Буковине стала проявлять явные признаки пассивности. Она сильно пострадала от болезней, прекратился призыв новобранцев, значительная часть войск оказалась распущена по домам.

В **пятой** главе «Восточная (Крымская) война и Севастопольская кампания 1855-1856 гг.» освещается проблема выбора стратегического приоритета в условиях войны, заведомо исключавших для России победный исход.

Характерной особенностью и дореволюционной, и советской историографии являлась изначально возникшая традиция своеобразной редукции проблемы исхода Восточной войны до проблемы обороны Севастополя. Однако ввод в научный оборот неопубликованных прежде источников дает возможность серьезного уточнения стратегического контекста Крымской кампании.

Анализ материалов русского военного планирования, документов боевых управлений армий и центрального аппарата военного ведомства, которые в прошлом не привлекали внимания исследователей, позволяет говорить о решающем влиянии на исход войны фактора австрийской мобилизации и сопряженных с ней угроз на западных границах России. А также сделать принципиальный вывод о том, что Николаем I и Паскевичем Крымский полуостров изначально рассматривался в качестве второстепенного и наименее опасного театра возможной войны.

Проблема защиты черноморских берегов в 1854-1855 гг. оказалась неотделима от проблемы австрийской мобилизации на западе. В условиях противостояния практически со всеми великими державами, Россия не могла обеспечить надежную оборону своих протяженных границ.

С точки зрения фельдмаршала, для удержания бастионов Севастополя было достаточно 40-50 тыс. чел. даже против 100-тысячной осадной армии союзников, отправка же дополнительных сил была бесполезна. Во-первых, потому что в Крыму отсутствовали соответствующие запасы продовольствия. Во-вторых, потому что риск ослабления русских армий на западе недопустимо возрастал, так как именно осенью 1854 г. Австрия находилась в наивысшей готовности к войне с Россией. Поскольку стратегическое значение Севастополя исчерпывалось базированием в нем Черноморским флотом, Паскевич полагал, что «не будь в Крыму Севастополя, никому в мысль бы не пришло ни нападать на Крым, ни защищать его»²⁹.

Мысль, будто Севастополь можно удерживать без содействия со стороны многочисленной полевой армии, оказалась иллюзией. Верх брала грубая сила. Не считая турецких и сардинских контингентов, Британия в течение полутора лет отправила на Черноморский театр около 100.000 чел. Франция – 309.270 чел. Такой размах действий Наполеона III накануне Восточной войны казался маловероятным.

Предвоенные расчеты, предполагавшие, что главные силы своей армии французы вынуждены будут оставить на германской и бельгийской границе оказались несостоятельными. Дружественная позиция по отношению к Парижу, занятая в ходе Восточной войны Пруссией и Австрией, позволила Наполеону III оголить восточную границу Франции. В результате русской армии в Крыму пришлось иметь дело с неприятелем, численность которого в несколько раз превышала предвоенные оценки.

В такой ситуации стабилизировать положение под Севастополем можно было лишь с помощью постепенно прибывавших резервов. Но решительно

²⁹ РГВИА. Ф. 481. Оп. 1. Д. 13. Лл. 21-40.

повлиять на обстановку, без ослабления сил в Польше и на Волыни оказалось невозможно.

Прибывавшие резервы в основном лишь покрывали потери на бастионах. Возможности полевой армии по нанесению эффективного деблокирующего удара увеличивались очень медленно и не достигали того количества и качества, которое позволяло бы рассчитывать на успех. Причиной тому было крайне невыгодное соотношение потерь в ходе осады. В таких условиях, несмотря на героическую стойкость обороны, падение южной стороны становилось лишь вопросом времени. Последняя попытка спасти город привела к безнадежному фронтальному наступлению полевой армии на укрепленные позиции союзников у Черной речки 4 августа 1855 г.

Паскевич, всегда противившийся накоплению сил в Крыму, весной 1855 г. проявлял странное терпение, видя уход на полуостров все новых и новых дивизий. Его план сдерживания Австрии увенчался успехом, и в новом 1855 г. повторного развертывания войск Габсбургов на русских границах не последовало. Формирование новых соединений из числа резервных и запасных войск, в значительной степени, заменяло уходящие в Крым батальоны. Ценой огромного перенапряжения финансовых и демографических ресурсов Россия сохранила мощный заслон на западной границе.

Князь Варшавский преувеличивал оборонительные возможности Севастополя, нереальными оказались его планы экономии в Крыму живой силы. Но, как он и предсказывал, еще в феврале 1854 г., русская стратегия, четко разделив потенциальные театры военных действий на главные и второстепенные, свела ущерб в изначально безнадежной войне к минимуму.

В **Заключении** подведены общие итоги исследования. В 1853-1854 гг. произошли события, фатальное развитие которых созданная после 1831 г. военная система предотвратить не смогла. Князь Варшавский нес определенную долю ответственности за перерастание восточного кризиса в Крымскую войну и за ту международную изоляцию, которая предопределила её неудачный для России исход. В феврале 1854 г. Паскевичу пришлось

полностью пересмотреть приоритеты русской стратегии. После того, как выяснилось, что Англия и Франция вступают в войну на стороне Турции, и Австрия занимает враждебную по отношению к России позицию, фельдмаршал начал отчетливо понимать, что вырисовывающиеся масштабы конфликта превышают естественные пределы возможностей русской армии. Несмотря на очевидный рост военного потенциала России в 1830-1840-е гг., ей не приходилось рассчитывать на успех в столь неравной борьбе.

Паскевич видел глубину внешнеполитической изоляции России и хорошо себе представлял, что эта изоляция означает с военной точки зрения. Наиболее опасным из всех актуальных и потенциальных противников России в развернувшейся войне была Австрия. В отличие от Пруссии, она имела с ней важные политические противоречия, именно её армия была в состоянии создать угрозу наиболее опасному для России западному стратегическому направлению.

Князь Варшавский понимал невозможность одержать победу в таком противостоянии, поэтому его план сводился к затягиванию войны и к стремлению свести конечный результат к наименьшим для Российской империи потерям. С его точки зрения, падение Севастополя, военное значение которого во многом исчерпывалось с утратой флота, было наименее тяжелой моральной и материальной потерей в войне. А риск потери Крыма представлялся менее опасным, чем перспектива потери Царства Польского, Литвы и Правобережной Украины.

ПЕРЕЧЕНЬ ПУБЛИКАЦИЙ

1. **Кривопапов А.А.** «К одним привычка, в других нужда...». **Фельдмаршал Паскевич глазами современников // Родина. 2013. № 3. С. 49-52.**
2. **Кривопапов А.А. Е.Ф. Канкрин об обороне западных границ России в 1836 г. // Российская история. 2013. № 6. С. 52-64.**

3. *Кривопапов А.А.* Записка фельдмаршала И.Ф. Паскевича 11 мая 1845 г. о развертывании русских войск в польском выступе // Русский Сборник. Исследования по истории России. Т. 13. М., 2012. С. 42-73.
4. *Кривопапов А.А.* Рец.: Frederick W. Kagan. The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army. N.Y., 1999 // Русский Сборник. Исследования по истории России. Т. 4. М., 2007. С. 314-322.
- 5. *Кривопапов А.А.* Севастополь в стратегических планах фельдмаршала И.Ф. Паскевича в 1853-1855 гг. // Вестник Московского университета. Серия. 8 История. 2013. № 3. С. 58-69.**
6. *Кривопапов А.А.* Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и Крымская кампания 1854-1855 гг. // Альминские чтения. Материалы научно-практической конференции. Выпуск № 5. Симферополь, 2013. (В печати).
7. *Кривопапов А.А.* Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и проблема стратегии России в Восточной войне 1853-1856 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 7. Военная политика императора Николая I. М., 2009. С. 238–272.
- 8. *Кривопапов А.А.* Царство Польское в стратегических взглядах фельдмаршала И.Ф. Паскевича в середине 1840-х годов // Российская история. 2012. № 4. С. 88-100.**